

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

***

УДК 17; УДК 211.5

ГРНТИ 21.31.51; 21.31.41

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО СТАТУСА ЭМБРИОНА В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Бондаренко Виктория Викторовна

канд. мед. наук

Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток

THE PROBLEM OF THE VIBRATIONAL STATUS OF EMBRYON IN THE LIGHT OF THE RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL PARADIGM

Victoria V. Bondarenko

candidate of medical sciences

Far eastern federal university,

Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В статье сопоставлены возможности решения этико-медицинских проблем репродукции человека в контексте философско-антропологических представлений православия и католицизма, а также либеральной и консервативной традиций. Автор, конкретизируя подходы в определении личностного статуса эмбриона, раскрывая библейское и патристическое понимание института брака, его метафизических оснований, приходит к выводу о том, что медицинская этика с необходимостью может и должна учитывать аргументы, основанные на метафизических представлениях.

ABSTRACT

The article compares the possible solutions to the ethical-medical problems of human reproduction in the context of philosophical-anthropological ideas of Orthodoxy and Catholicism, and liberal and conservative traditions. The author, clarifying approaches in determining the personal status of the embryo, revealing the biblical and patristic understanding of the institution of marriage, its metaphysical foundations, he comes to the conclusion that medical ethics with the need can and should consider the arguments based on metaphysical ideas.

Ключевые слова: эмбрион; личность; аборт; биомедицинские технологии; стволовые клетки; православная церковь; римско-католическая церковь; жизнь.

Key words: embryo; personality; abortion; biomedical technology; stem cells; Orthodox Church; Roman Catholic Church; life.

Наша современность характеризуется продолжающимся конфликтом «прав», «принципов», которые причудливо вплетаются в нить культурных норм и человеческих жизней. Каждая из них имеет свои основания, свою традицию. Христианская опирается на моральные ценности религиозной культуры. Светская отстаивает принцип автономности личности. Противостояние либеральной и консервативной ценностно - мировоззренческих ориентаций перешло в качественно иную, и можно со всей определенностью утверждать - завершающую стадию.

Новейшие биомедицинские технологии и их логическое продолжение - конвергентные технологии, как никакое другое направление научно-технического прогресса, обнажают связь между достижениями научного знания и падением ценности человеческой жизни [25, с.129]. Для общества, где большинство населения идентифицирует себя с православной культурной традицией, становится актуальной социальная потребность в развитии диалога и дискуссий по проблемам биоэтики [26, с. 82-90]. Сегодня мы наблюдаем процессы, объективно свидетельствующие о центробежных тенденциях в сфере межконфессионального диалога, и, прежде всего, по вопросам биоэтики. Как недавно было заявлено Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, «Отношения между Московским патриархатом и Римско-

католической церковью приобретают в последние годы положительную динамику. В этих взаимоотношениях присутствует ясное осознание необходимости объединения усилий православных и католиков для защиты традиционных христианских ценностей и противостояния таким вызовам современности, как либеральная секуляризация, дискриминация христиан, кризис семейных отношений, подрыв основ нравственности в личной и общественной жизни» [10].

Предстоятель Русской Православной Церкви подтвердил, что эти обстоятельства стали главным поводом для его встречи с папой Римским Франциском 12 февраля 2016 г. на Кубе [там же]. В подписанном по итогам встречи Совместном заявлении констатируется, что, объединяя усилия, христианские церкви смогут гораздо эффективнее исполнять свое призвание в мире [28, с. 38].

Вопросы этики искусственного оплодотворения относятся к началу человеческой жизни. Но если в случае аборта врач и женщина вступают в моральное отношение с человеческой жизнью сроком в несколько дней, недель, месяцев, то в случае искусственного оплодотворения это отношение не столько к началу уже существующей жизни, сколько к возможности самого ее начала. И если аборт, контрацепция, стерилизация - это борьба против человеческой жизни, то искусственное оплодотворение - это борьба за возможность ее возникновения. Эксперты отмечают, что в этой «борьбе» искусственный аборт и искусственное оплодотворение тесно связаны между собой: практика искусственного аборта поставляет пациентов для практики искусственного оплодотворения. Так, по некоторым данным, распространенность аборта как одного из способов планирования семьи ведет к росту вторичного (приобретенного) бесплодия. Эпидемия абортов 2-й половины XX в. исторически и логически связана с разработкой методик искусственного оплодотворения [24, с.38].

Первые опыты по искусственному осеменению женщин, страдающих бесплодием, были предприняты в Англии еще в конце XVIII в. Прорывом в

технике вспомогательной репродукции стал метод экстракорпорального оплодотворения с последующим переносом эмбриона в матку, который впервые удалось применить на практике в 1978 г. Развитие репродуктивных технологий позволило использовать такие возможности, как донорство яйцеклеток или оплодотворенных эмбрионов, вынашивание эмбриона женщиной реципиентом или «суррогатной матерью», которая обязуется «вернуть» рожденного ею ребенка «генетическим родителям» или иным лицам, заключившим с нею контракт. Неизбежная коммерциализация отношений, связанных с донорством половых клеток и эмбрионов, поставила вопрос о «праве собственности» на человеческий эмбрион.

Кроме того, напряженные дискуссии породил вопрос о статусе эмбриона, о юридических и этических границах допустимого в экспериментах над ним. В жидком азоте хранятся тысячи и тысячи «лишних» эмбрионов, которые были заготовлены для имплантации в матку на случай неудачи предыдущих попыток. Как поступать по истечении «срока хранения»? Оправдано ли использовать человеческие эмбрионы в научно-исследовательских, терапевтических или промышленных целях? Насколько допустимо прибегать к предимплантационной диагностике с целью выявления возможных генетических дефектов или определения пола будущего ребенка? Допустимы ли генетические манипуляции с целью появления на свет ребенка с желательными для родителей качествами? Относятся ли так называемые «репродуктивные права», то есть право иметь детей, и притом в произвольно определенном количестве, к числу неотъемлемых прав человека? Должны ли быть наделены этими правами лица, принадлежащие к сексуальным меньшинствам? Насколько допустима гормональная гиперстимуляция женщины, которая проводится с целью одновременного получения большого количества яйцеклеток и, как было доказано, существенно повышает риск раковых заболеваний, приближает наступление климактерического периода?

В мире сложилось отношение к человеческой жизни как к продукту, который можно выбирать согласно собственным склонностям и которым

можно распоряжаться наравне с материальными ценностями. Основной принцип либеральной позиции по отношению к искусственному оплодотворению - это «право каждой женщины иметь ребенка». Основанием этого права в рамках либеральной идеологии является естественно-биологическая функция деторождения. Симптоматично, что в трех фундаментальных типологических моделях искусственного оплодотворения оно никогда не являлось самоцелью, но всегда выступало лишь средством для решения другой задачи - задачи совершенствования человека. Эта задача ставится и в селекционно-зоотехнической модели. Эта задача стоит и в научно-мифологической (фантастической) модели (создание искусственного человека-гомункула, искусственного интеллекта и т.п.). Сразу отметим, что с точки зрения альтернативной парадигмы – христианской, для цели совершенствования и таким образом спасения человека совершается и непорочное зачатие Богородицы.

Долгие годы идея экстракорпорального оплодотворения, «питаясь» технологическими изобретениями, социальными потребностями, «гуманистическими» прожекторами, оставалась в поле теоретической и экспериментальной деятельности. В 1944 г. было достигнуто первое успешное культивирование ооцита человека и экстракорпоральное оплодотворение, приведшее к развитию двухклеточного эмбриона [17, с. 7-8]. Оценка эффективности этого метода у разных специалистов не совпадает. Отечественные исследователи склоняются к цифре -10-18% [19, с.71]. Несмотря на ряд обнадеживающих результатов, в исследовании В. Бахтиаровой приведены следующие данные: «Аномалии развития, сопровождавшиеся грубыми повреждениями ЦНС, сердца и других жизненно важных органов, гораздо чаще обнаруживались у новорожденных после искусственной инсеминации (12% по сравнению с 1%)». Из общего числа исследованных детей, зачатых методом искусственного оплодотворения, задержка внутриутробного развития наблюдалась у 28.3%, асфиксия при рождении – 90.5%, неврологические изменения – 38.3% [20, с. 150].

Непрерывное совершенствование репродуктивных технологий – показатель эпохи. Если беременность после переноса эмбриона женщине в одном цикле не наступила, в последующем делаются повторные попытки. При этом женщине можно перенести эмбрионы, оставшиеся не использованными. «Невостребованные» эмбрионы сохраняют методом криоконсервации. Время сохранения таких эмбрионов во многих странах законодательно устанавливается от 5 до 10 лет. Если сохраняющиеся эмбрионы уже не требуются для данной женщины, только она (или данная супружеская пара) распоряжается дальнейшей судьбой эмбриона: передать его другой женщине, разрушить или разрешить проведение исследований с эмбрионом.

В соответствии с международными рекомендациями и законодательством, цели исследований на эмбрионах человека должны быть строго регламентированы [14, с. 115 – 116]. Прежде всего, согласно пункту 2 статьи 18 Конвенции о правах человека и биомедицине (1996), «запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях». Т. е. создание эмбрионов человека Конвенция допускает только для терапии бесплодия¹. Помимо терапевтических (то есть лечения самого бесплодия) допускают использование эмбрионов человека для диагностических целей и эксперимента – внутриматочной генной терапии [11, с. 13 – 14].

Относительно использования эмбрионов человека в эксперименте, т. е. в научно-исследовательской деятельности, позиции также различны. Определение предельного возраста эмбриона, допустимого для использования в эксперименте, как правило, периодом от момента оплодотворения (стадия зиготы) до 14-го дня развития [25, с. 252] или сроком до 30-го дня развития (начала дифференцировки структур головного мозга) чрезвычайно обостряет

---

¹ Цит. по: Курило Л.Ф. Репродуктивные технологии и технологии получения эмбриональных стволовых клеток человека как отрасль практической и научной медицины // Православие и проблемы биоэтики. Московский патриархат. Церковно-общественный Совет по биомедицинской этике. Выпуск 1. (1998-1999). Православный медико-просветительский центр «Жизнь». М., 2001. С. 46.

морально-этические проблемы медико-биологической деятельности [15, с. 54].

Возможность произвольно манипулировать половыми клетками и контролировать само начало зарождения человеческой жизни в еще большей степени актуализирует проблему статуса эмбриона человека и вопрос о том, с какого момента его следует рассматривать как личность, имеющую право на жизнь и ее защиту в законодательном порядке [19, с. 72].

Не менее актуальными являются этико-правовые аспекты технологии стволовых клеток человека. Успешно разрабатываемая с 1981 г. новая проблема эмбриональных стволовых клеток в настоящее время переросла в технологию стволовых клеток, которая оценивается как значимая для теоретической и прикладной биологии и медицины [6, с. 17]. Но разрушение человеческой жизни во имя прогресса медицины должно быть запрещено. Что является морально оправданным? Разрешать, чтобы невостребованные эмбрионы были разрушены или были использованы для исследований и/или для лечения, что может принести пользу больным людям? Известна максима: абсолютно незащищенный нуждается в абсолютной защите. Во Всемирной Декларации прав человека (1948) говорится: «Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и безопасность своей личности», а также: «Все равны перед законом и имеют право на защиту со стороны закона» (ЮНЕСКО, Право быть человеком, т. 2, с. 662)².

В ряде стран (Италия, Германия) имеется запрет на проведение исследований с эмбрионами человека. Франция рекомендует относиться с уважением к эмбриону от момента его зачатия; легальные права имеет плод при рождении. В Великобритании, Канаде и Австралии не запрещено создание эмбрионов для исследовательских целей, но разработана система законодательных актов регулирования и контроля. В США соответствующие

---

² Цит. по: Узаконенное детоубийство (по книге митрополита Никопольского Мелетия «Аборты») // Спаси и сохрани. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2000. С. 10.

исследования проводятся в частном секторе, так как Конгресс запрещает использовать федеральные средства на подобные исследования.

В «Конвенции о правах человека и биомедицине» Совета Европы указано: «Вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено только в профилактических, терапевтических или диагностических целях и только при условии, что подобное вмешательство не направлено на изменение генома потомков данного человека» [11, с. 12]. В европейской группе по этике в науке и новых технологиях Европейской комиссии, рабочих группах Руководящего комитета по биоэтике в Совете Европы идет процесс постоянного обсуждения принципов регламентации по проведению исследований на предимплантационных эмбрионах человека [16, с. 54].

Приходится констатировать, что идея «человекобожия», связанная с безусловным стремлением к процветанию, могуществу и физическому совершенству остается привлекательной. Если в первой половине XX в. она носила теоретический характер, то сегодня воплощается в биомедицинской практике. Это уже реализованное стремление выйти на уровень «творца», создание живых организмов с запрограммированными свойствами.

Прошло целое столетие с того времени, как Ф. Ницше устами Заратустры призвал человечество к созданию «сверхчеловека». Своеобразие философии Ф. Ницше обусловила принципиальная связь между идеей сверхчеловека и ситуацией «смерти Бога». Этот идеологический прорыв символизировал коренную ломку оснований культуры [21, с. 7]. Практически в это же время Ф. Достоевский развивает идею Богочеловечества. Постепенно антитеза «богочеловечество – человекобожие» становится доминирующей в русской религиозной философии.

В связи с евгеническими идеями интересно сопоставить понятие «сверхчеловека» у Ф. Ницше и С. Булгакова. Оба понимали «сверх» как качество, превышающее естественные возможности человека. Но Ницше возвеличивал страсти человека, сделав его демоническим существом,

обладающим магическими способностями. Для Ницше сверхчеловечность принципиально антирелигиозна. А для С. Булгакова сверхчеловечность «есть, в сущности, актуальное воцерковление». Утверждая целью и смыслом жизни человека «обожение», святость и следуя своему принципу антиномизма, он понимал путь святости как «распятие» естественного человека, «себяотвержение», и в то же время – спасение, восстановление личной индивидуальности, буквально исцеление. По словам Н. Бердяева разделение «природного человека от духовного» и дает свободу развития природному человеку, от глубочайших основ самой природы человека [7, с. 108]. Высшее идеальное измерение в данном случае - сам человек и все «человеческое».

Но Ф. М. Достоевский полагал, что даже если рассматривать «человеческое» как некий феномен, представляющий интересы рода, то идеала все равно не получится, ибо сумма равна слагаемым, со всеми их свойствами. Евангельский Христос – вот подлинный идеал, качественно отличающийся от различных человеческих мерок. Обожение человеческой природы во Христе – это онтологическая возможность и призвание человека. Оно реализуется через свободное самоопределение, при условии нравственного делания человека. «Человекобожие» как попытка достичь абсолюта, оставаясь в своих собственных границах, обречено на провал и, рано или поздно, оборачивается разными формами тоталитаризма, приводит к болезненным искажениям, личной и общественной трагедии.

Около полувека тому назад высказывалось предположение, что наука XXI в. станет наукой о человеке. Очевидно, что эти предсказания о наступлении эпохи торжества наук о человеке сегодня сбываются. Кажется, сбывается вековая мечта о достижении в пространстве человека гармонического единства гуманитарного и естественнонаучного знания. Знания о человеке, накопленные за последнее время, создают революционную ситуацию в науке и предполагают радикальное изменение условий человеческой жизни.

Было принято утверждать, что именно с помощью наук о человеке можно найти условия, обеспечивающие сохранение самого человека. Эта интенция стала ведущим мотивом творцов современного биоэтического знания. Однако итоги оказались вовсе неоднозначными. Современные науки о человеке формируют принципиально иной уровень представлений о возможностях человека и его истории. При определенных условиях достижения науки могут дать толчок для деградации человека, его расчеловечивания. Остается констатировать, что именно развитие наук о человеке может привести к тому, что человек в привычном нам смысле исчезнет, погибнет [18, с. 4].

На Всемирном конгрессе по биоэтике (1996), посвященном 50-й годовщине начала Нюрнбергского процесса, отмечалась необходимость более тщательного экспертного контроля за медициной и в целом системой охраны здоровья населения. По ряду причин не представляется возможным остановить использование достижений биомедицины. Следовательно, сложилась насущная необходимость в участии независимых организаций, церкви и широких слоев общественности в механизмах действенного контроля в сфере репродуктивных технологий, генной инженерии, экспериментов с эмбриональными стволовыми клетками [11, с. 5-6].

Новые методики человеческой репродукции и связанные с ними этические проблемы побуждают богословов к их осмыслению. В готовом виде христианская традиция такого ответа, конечно, не содержит. При решении вопроса об искусственном и экстракорпоральном оплодотворении христианское богословие опирается на Библию и церковное предание.

В тексте Библии, повествующем о сотворении человека, истина о запечатленном в нем образе Божиим дополняется упоминанием двух полов, деления человеческого существа на мужское и женское: «И сотворил Бог человека по образу своему. По образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1: 27). По мнению видного богослова «Церковная экзегеза видела в этой фразе выражение связи между образом Божиим в человеке и любовным влечением, в силу которого люди реализуют свою жизнь

в единении с противоположным полом. Это влечение также представляет собой конститутивный элемент жизни, модус жизни, позволяющий человеку создавать новые личностные ипостаси» [12, с. 12].

Через таинство брака мужчина и женщина становятся «уже не двое, но одна плоть» (Мф. 19: 6). И это – тайна, «тайна сия велика» (Еф. 5: 32). Рождение детей, по учению Церкви, одна из важнейших целей брака. «Плодитесь и размножайтесь», - повелевает Бог первой чете в книге Бытия (Быт. 1: 28). «Вот наследие от Господа: дети, награда от Него - плод чрева», - восклицает псалмопевец (Пс. 126: 3). О радости рождения человека в мир говорит Иисус в Евангелии от Иоанна (Ин. 16: 21), а другой новозаветный автор утверждает, что «жена спасется через чадородие» (1 Тим. 2: 15).

Венчая брачующихся, православная церковь молится о том, чтобы Бог подал новобрачным «плод чрева на пользу» и «возвеселил их видением сынов и дочерей». Вслед за отцами церкви современные православные богословы видят в рождении детей печать союза любви, в котором супруги соучаствуют с Богом в творении новых человеческих существ.

Однако существует и другое описание сотворения человека, содержащееся во второй главе книги Бытия (Быт. 2: 4-25). Филологи считают его более древним. Сначала Бог творит мужчину, получающего соответственно имя мужского рода: Адам («сделанный из земли»). Именно в этого целостного первочеловека вдунул Бог дыхание жизни и сделал его «душою живою». Следующее затем разделение полов совершается Богом с единственной целью – удовлетворить человеческую потребность в общении (Быт. 2: 18-22). «Различие полов обусловлено необходимостью выразить в рамках тварной природы образ жизни нетварного. Лишь грехопадение человека, неудача в попытке реализовать свою жизнь согласно троическому образцу извратит этот порядок вещей и приведет к тому, что различие полов станет выражением не Божественного способа бытия, но жесткой природной необходимости продолжения рода» [31, с. 112-113].

Следовательно, деторождение - далеко не единственная и, по учению некоторых святых отцов, даже не главная цель брака [29, с. 97]. Как поясняет свт. Иоанн Златоуст, «любовь такова, что любящие составляют уже не два, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви» (Беседа 33 на 1 -е Послание к Коринфянам)³.

Митрополит Сурожский Антоний поясняет: «Тринитарная модель жизни – это отнюдь не единство на уровне естества, но соединение в любви свободных и отличных друг от друга ипостасей. Природная связь с родителями разрывается, чтобы дать место новому отношению.

Оно знаменует собой свободный выбор и добровольную преданность мужчины и женщины друг другу, что приводит не просто к совместной жизни, дружбе, нравственной и духовной близости, но и к слиянию по плоти, то есть единству жизни, буквально: со-существованию» [3, с. 803].

Этическая ценность супружеских сексуальных отношений, в которых проявляется брачное единство в любви и взаимной самоотдаче, не сводится к воспроизводству рода. «Муж жене отдавай должное, подобно и жена мужу. Жена над своим телом не властна, но муж; подобно и муж: над своим телом не властен, но жена. Не отнимайте себя друг у друга, разве лишь по согласию, на срок, чтобы освободить время для молитвы, а потом опять вместе будьте, чтобы не искушал вас сатана неумеренностью», – учит апостол Павел (1 Кор. 7: 3-5). «Единомыслие душ и телес» - предельная цель брачного союза, о достижении которой молятся в Последовании венчания.

Целостность брачных отношений не совместима с вторжением в них третьей стороны. «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог», – эти слова из Послания к Евреям (Евр. 13: 4) содержат ключевые мотивы молитвенных прошений таинства обручения и венчания.

Этим определяется отношение христианских богословов к различным методам доступной в наши дни аномальной техники деторождения. Позиция

---

³ Цит. по: Протоиерей Николай Балашов Репродуктивные технологии: дар или искушение? // Православие и проблемы биоэтики. Выпуск 1 (1998 – 1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 37.

римско-католической церкви более простая и однозначная. Все подобные методы оцениваются негативно, поскольку для католической моральной теологии традиционным является понятие ненарушимого естественного закона. В данном случае определяющим является момент, приводит ли забор семени к нарушению духовно-физического единства супругов [25, с. 241-242].

Католический догмат о непорочном зачатии Девы Марии эксплицитно подтверждает несовпадение позиций западных и восточных богословов по вопросу о соотношении понятий «личности» и «природы». В контексте вероучительной традиции католической церкви в философской традиции он разрешается через гносеологический подход, в случае православной патристической традиции – через онтологию. Как следствие расхождения антропологических моделей мы отмечаем противоположность этических рекомендаций по поводу допустимости методики искусственного оплодотворения. Так для католиков главный вопрос заключается в том, приводит ли взятие семени вне отдельного полового акта у супругов, живущих в законном и полном союзе и желающих иметь детей, к реальному отделению физического элемента деторождения от его психико-духовного компонента в отдельном супружеском акте.

С православной позиции гомогенное искусственное оплодотворение - это вполне приемлемый способ использования медицинских знаний, позволяющий христианскому браку реализовать одну из главных целей: продолжение рода. Различные аспекты позиции Русской Православной Церкви по отношению к искусственному оплодотворению наиболее полно представлены в работах священника Николая Балашова. Положительно оценивая некоторые методы лечения бесплодия и отвергая по религиозно-моральным соображениям другие, он говорит о реальной возможности «смиренно-достойного» отношения людей к факту отсутствия детей в той или иной семье. В связи с глубочайшими морально-этическими и религиозными противоречиями, сопровождающими практику искусственного оплодотворения, перспектива усыновления ребенка,

оставшегося без родителей, может стать достойной христианина альтернативой.

Церковь не благословляет пути к деторождению, не согласные с замыслом Творца жизни. Если муж и жена неспособны к зачатию ребенка, а терапевтические и хирургические методы лечения не помогают супругам, им следует со смирением принять свое бесчадие как особое жизненное призвание [30, с. 143].

Искусственное оплодотворение незамужней женщины все православные авторы считают морально недопустимым - прежде всего, исходя из интересов ребенка. В этом случае он заведомо лишается возможности быть воспитанным в полноценной семье, будучи рожден вне брачного союза, основанного на ответственной любви. Искусственное оплодотворение замужней женщины без согласия и участия ее мужа также недопустимо с этической точки зрения, поскольку расценивается как супружеская измена. Если муж неспособен к оплодотворению и медицинская наука не может ему помочь, жена должна принять его таким, каков он есть, а не пытаться найти ему квази-замену в лице другого мужчины-донора. В случае гомогенного оплодотворения возражения опускаются.

Многие богословы разделяют вывод протопресвитера Стэнли Харакаса, профессора греческой православной Богословской школы Святого Креста в Бруклине: искусственное оплодотворение спермой мужа – «это вполне приемлемый способ использования медицинских знаний, позволяющий христианскому браку реализовать одну из главных целей: продолжение рода» [2, с. 122].

Сложнее решается вопрос в случае абсолютного бесплодия, обусловленного непроходимостью фаллопиевых труб. Врачи обыкновенно рекомендуют прибегать к экстракорпоральному оплодотворению. Этические аргументы против этого метода определены клинической практикой одновременного оплодотворения нескольких яйцеклеток. Половые клетки извлекают из яичника в процессе лапароскопии. Для имплантации проводится отбор наиболее «перспективных»

эмбрионов. Оставшиеся обыкновенно замораживаются. Когда желаемый результат получен, «избыточные» эмбрионы разрушают или используют для экспериментов. Существует практика имплантации донорского эмбриона другой бесплодной женщине [1, с. 77-78].

Ясно, что подобные манипуляции противоречат представлениям о человеческом эмбрионе как носителе человеческого достоинства. Намеренное уничтожение эмбрионов, как и намеренный аборт - недопустимое посягательство на человеческую жизнь.

Как православные, так и католические современные богословы, ссылаясь, главным образом, на каноническое право, осуждающее аборты независимо от срока развития плода, считают момент оплодотворения яйцеклетки единственным актом подлинно качественного изменения. Ни одна из последующих стадий развития не может с большим основанием, чем все остальные, считаться началом формирования личности. Эту позицию разделяет и значительная часть ученых. Сразу же после оплодотворения вступают в действие системы, которые контролируют зиготу еще до ее имплантации: начиная от формирования бластомеров посредством повторения-удвоения и кончая образованием бластоцисты и имплантацией [23, с. 59].

Таким образом, выделяются свойства программированной заданности, целеустремленности, непрерывности, без качественного разрыва между одним этапом и другим, и осуществляются самовоспроизведение и самоуправление программы внутри генома и эмбриона. Вместе с тем автономия, о которой мы говорим, не должна пониматься в абсолютном смысле, ибо ее не существует и после рождения. И потому речь здесь идет о внешней зависимости, подобной той, которую испытывает и взрослый в своих отношениях с окружающей средой: материнская среда дает пищу и питает кислородом, удаляет продукты обмена, которые могут быть токсичными. Однако качество, импульс и направление развития зависят не от направляющих органов матери, но от самоуправляемой генетической структуры самого эмбриона [25, с. 155-156].

Это означает, что развитие эмбриона зависит от матери только внешне. А если мы должны рассматривать даже бластомеры в чашке Петри как человеческие существа, то распространенная практика оплодотворения представляется морально недопустимой.

Практика донорства яйцеклеток или эмбрионов представляется столь же недопустимой в моральном отношении, как и использование донорской спермы. В обоих случаях основанием для этических возражений является идея защиты целостности и уникальности брачных отношений. В отличие от благородного по своим мотивам усыновления (удочерения) детей, уже лишившихся «генетических родителей», когда приемные родители восполняют недостаток любви и родительского попечения о них, такая практика, напротив, поощряет анонимное отцовство или материнство, заведомо освобождает от любых обязательств по отношению к своим «генетическим» детям. Не следует забывать, что анонимность донорства создает возможность для непреднамеренного инцеста [22, с. 62].

Наконец, все разновидности суррогатного материнства категорически осуждаются православными и католическими авторами. Признание его допустимости означает пренебрежение глубочайшей эмоциональной и духовной связью, которая устанавливается во время беременности между матерью и младенцем [4, с. 81]. «Вынашивающая мать» в большинстве случаев просто обречена пережить мучительный психологический стресс, отдавая рожденное ею дитя. Кроме того, очевидно, что и ребенок в подобной ситуации не избежит в будущем ситуации личностного кризиса [9, с. 25-26].

Новейшие технологии репродукции человека привлекают самое пристальное внимание богословов. Наиболее давняя традиция обсуждения этой и смежных с ней этических проблем медицины имеется в католицизме [13, с. 53]. Отличием позиции римско-католической церкви по сравнению с православием является более важная регламентирующая роль соответствующих официальных документов. Католическая мораль в целом отрицательно относится к искусственному оплодотворению, в особенности - к

гетерологическому. Это противоречит ценности брака, достоинству супругов, самому предназначению родителей и праву ребенка быть зачатым и рожденным на свет в браке и благодаря браку. В то же время некоторые католические авторы считают этически приемлемым метод экстракорпорального оплодотворения в случае решения проблемы «избыточных» эмбрионов [8, с. 110].

Следуя традициям христианской этики, сделаем заключение, что мораль обеспечивает процессы наследования человеком представлений о добре и зле, а генетические нарушения могут являться следствием забвения нравственных начал, итогом порочного образа жизни, в результате которого страдают и потомки.

Демографический кризис в России - государственная проблема, затрагивающая все стороны жизни нашего общества. В условиях экономического спада руководство страны оказалось не готово обеспечить необходимый объем реализации социальных программ, направленных на поддержку семейной политики, защиту детства. Экспертное сообщество в лице ведущих интеллектуалов, влияющее на принятие управленческих решений, в своих рекомендациях призвано учитывать международный опыт, который показывает, что интенсивность рождаемости, обеспечивающая необходимый уровень воспроизводства населения страны, обусловлена, в первую очередь, не социально-экономическими предпосылками, а сохранением на уровне общественного сознания религиозной доктрины, демонстрирующей приверженность традиционным семейным ценностям.

На государственном уровне активно поддерживаются научные исследования и практическое внедрение в сфере биомедицинских технологий. Между тем, правовая и нравственно-этическая регламентация в данной сфере разработана слабо. Социальные и духовно-нравственные последствия, связанные с распространением абортивного сознания и разрушением традиционного института семьи, исследованы недостаточно. Несмотря на то, что значительная часть россиян придерживается христианских по своей

природе этических норм, положения религиозных концепций, в частности современных христианских социальных и вероучительных доктрин, в официальных международных, государственных и профессиональных документах отражены слабо. Одной из главных причин сложившейся ситуации является недостаточный уровень освещения принципов и подходов христианской биоэтики в философско-этических исследованиях.

В системе образования и медицины под лозунгами защиты репродуктивного здоровья продолжает активно проводиться политика, направленная на сексуальное просвещение молодежи. Достоверная информация, отражающая риски и угрозы, связанные с использованием репродуктивных технологий и гормональных препаратов, остается закрытой для широких слоев населения. Как следствие, наблюдается стремительная деградация физических показателей, определяющих генеративную функцию россиян, вступивших в половозрелый возраст. В условиях идеологического и информационного вакуума биомедицинские технологии эффективно работают как инструменты демографического сдерживания. В условиях роста политической напряженности, экономической изоляции, формирования новых угроз, связанных с международным терроризмом, становится необходимым налаживание системного диалога по вопросам биоэтики и защиты жизни между представителями традиционных конфессий. Назрела необходимость включить в эту работу интеллектуальный и организационно-методический потенциал светских и конфессионально - ориентированных научно-образовательных учреждений.

До настоящего времени в науковедении отсутствует отчетливое представление о биоэтике как христианской науке. Для институционализации данной отрасли знаний, преодоления последствий коммерциализации медицины, духовно-нравственного кризиса, представляется необходимым популяризировать значимость христианского вероучения через систему отечественной науки и образования, в том числе профессионального. Дальнейшее развитие биоэтического знания в России, конкретизация и

развитие его основополагающих понятий предполагает необходимость углубленной философской проработки антропологических аспектов доктрин христианского Запада и Востока в рамках сложившейся отечественной традиции сравнительного богословия и в целом наследия русской православной мысли.

Список литературы

1. Авходиев Г. И., Кот М.Л., Беломестнова О.В. Биомедицинская этика: учебно-методическое пособие. Чита, 2009. 216 с.

2. Антоний (Блум), митр. Сурожский. Исцеление тела и спасение души // Человек. 1995. № 5. С. 109–124.

3. Антоний (Блум), митр. Сурожский. Труды. Кн. 2. М. : Практика, 2007. 968 с.

4. Балашов Н., свящ. Искусственное оплодотворение: что думают православные? // Человек. 1995. № 3. С. 77 – 81.

5. Балашов Н., свящ. Репродуктивные технологии: дар или искушение? // Православие и проблемы биоэтики. Вып. 1 (1998 – 1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 34 – 44.

6. Балашов Н., свящ. Церковь и современные биомедицинские проблемы // Священный дар жизни: материалы междунар. медико-педагог. конференции. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 16 – 18.

7. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

8. Биомедицинская этика: практикум / Под общ. ред. С. Д. Денисова, Я. С. Яскевич. Мн.: БГМУ, 2011. 255 с.

9. Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. М., 1992. № 10. С. 3– 28.

10. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном акте в честь 70-летия Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата

(Москва, 19 мая 2016 г.). [Электронный ресурс]// Московская Патриархия. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4470984.html> (дата обращения: 21.05.2017).

11. Дубровина Н. Этика геномики // Человек. 1999. №4. С. 4 – 14.

12. Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение: очерки о личности и Церкви. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. 280 с.

13. Кожевникова М. О биоэтической культуре: интервью с Яном Хартманом // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 53 – 55.

14. Кубарь, О. И. Этические и правовые проблемы исследований на человеке: из истории России XX века // Человек. 2001. № 3. С. 115 – 121.

15. Курило Л. Ф. Некоторые морально-этические проблемы репродукции человека // Биомедицинская этика под ред. В. И. Покровского. М.: Медицина, 1997. С. 151 – 171.

16. Курило Л. Ф. Репродуктивные технологии и технологии получения эмбриональных стволовых клеток человека как отрасль практической и научной медицины // Православие и проблемы биоэтики. Московский патриархат. Церковно-общественный Совет по биомедицинской этике. Вып. 1. (1998-1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 45 – 57.

17. Курило Л.Ф. Развитие техники оплодотворения ооцита вне организма // Акушерство и гинекология. 1984. № 1. С. 7 – 8.

18. Лекторский В. А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3 – 15.

19. Леонов Б. В. Рождение in vitro // Человек. 1995. № 3. С. 69 – 76.

20. Ляуш Л. Б. Этические аспекты правового регулирования применения репродуктивных технологий // Материалы IX Рождественских чтений. Медицинская секция. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2002. С. 147 – 159.

21. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. Мн.: Поппури, 1997. 624 с.
22. О нравственных проблемах, связанных с развитием “новых репродуктивных технологий. Заявление Церковно-общественного Совета по биомедицинской этике // Православие и проблемы биоэтики. Московский патриархат. Выпуск 1. (1998-1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 61 – 63.
23. Обухов М., священник. Этический аспект манипуляций над эмбрионами // Православие и проблемы биоэтики. Московский патриархат. Церковно-общественный Совет по биомедицинской этике. Вып. 1. (1998-1999). М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. С. 57 – 61.
24. Руководство по контрацепции / Под ред. проф. В. Н. Прилепской. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: МЕДпресс-информ, 2011. 448 с.
25. Сгречча Э., Тамбоне М. Биоэтика. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. – 413 с.
26. Сотирова С., Попова С. Прикладная этика и культура Православия // Человек. 1996. № 1. С 82–90.
27. Узаконенное детоубийство (по книге митр. Никопольского Мелетия «Аборты») // Спаси и сохрани. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2000. С. 3 – 18.
28. Франциск Папа Римский, Кирилл Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Совместное заявление [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html> (дата обращения: 19.05.2017).
29. Харакас С. Православие и биоэтика // Человек. 1994. № 2. С. 91 – 100.
30. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Даниловский благовестник, 2000. 188 с.
31. Яннарас Х. Вера Церкви. М.: Центр по изучению религий, 1992. 231 с.